

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 123.1, 159.99
doi: 10.24412/2073-0861-2022-3-133-142

О ВОЗМОЖНОМ БУДУЩЕМ ГУМАНИТАРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

А.А. Мелик-Пашаев

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия,
zinaidann@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8954-3922>

Актуальность. В статье ставится принципиальный вопрос, сохраняющий свою актуальность в течение всего периода существования психологии как отдельной науки, которая претендует на объективность и точность знания. Это вопрос о статусе гуманитарной психологии и о границах применимости традиционных методов исследования и критериев научности для постижения внутреннего мира человека.

Цель. Автор стремится очертить границы применимости детерминистического объяснения явлений, причинной логики, критерия повторяемости результата и т.д. и обосновать необходимость иных методов и критериев для понимания внутреннего мира человека.

Результаты. Обсуждается утверждение, что строгое следование названным критериям позволяет изучать человека только как «вещь», тогда как всё специфически человеческое ускользает от исследования. Этим объясняются затруднения или даже отказ от изучения таких важных проблем, как свобода человека, творчество и, в частности, явление инсайта; нравственность и ответственность, смысл жизни и другие, не поддающиеся объяснению в каузальной логике. Выдвигается предположение, что, отсекая всё, не отвечающее традиционным критериям научности, психология не столько сохраняет, сколько обедняет себя. В своих рассуждениях автор опирается на труды крупнейших мыслителей и ученых В.С. Соловьева, В.В. Зеньковского, Л.М. Лопатина, А.С. Арсеньева, С.Л. Рубинштейна, П. Тейяра де Шардена.

Выводы. В тех случаях, когда предмет изучения противится методу изучения, необходима смена точки зрения на изучаемое явление и принципиально иная постановка исследовательского вопроса. При этом прежде накопленные знания не обесцениваются, но приобретают другой смысл.

Благоприятные возможности развития психологии автор видит в ее сближении с философией, с осмыслением опыта религиозных практик и образно-метафорического способа описания явлений.

Ключевые слова: гуманитарная психология, детерминизм, каузальная логика, телеология, смысл жизни, творчество, инсайт.

Для цитирования: Мелик-Пашаев А.А. О возможном будущем гуманитарной психологии // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 3 (15). С. 133–142. doi: 10.24412/2073-0861-2022-3-133-142

ABOUT THE POSSIBLE FUTURE OF HUMANITARIAN PSYCHOLOGY

Alexander A. Melik-Pashaev

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow Russia, zinaidann@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8954-3922>

Background. The article raises a fundamental question that remains relevant throughout the entire period of the existence of psychology as a separate science, which claims to be objective and accurate knowledge. It is a question about the status of humanitarian psychology and about the limits of applicability of traditional research methods and criteria of scientific knowledge for understanding the inner world of a person.

Objective. The author seeks to outline the limits of applicability of deterministic explanation of phenomena, causal logic, criteria of the result repeatability, etc. and to justify the need for developing the other methods and criteria for penetrating the inner world of a human being.

Results. The statement is discussed that strict adherence to the mentioned criteria makes it possible to study a person only as a “thing”, while everything specifically human escapes research. This explains the difficulties or even the refusal to study such important problems as human freedom, creativity and, in particular, the phenomenon of insight; morality and responsibility, the meaning of life, etc. that cannot be explained by means of causal logic. The author suggests the following assumption: by cutting off everything that does not meet the traditional criteria of scientific character, psychology does not so much preserve as impoverish itself. In his arguments the author relies on the works of the greatest thinkers and scientists V.S. Solovyov, V.V. Zenkovsky, L.M. Lopatin, A.S. Arsenyev, S.L. Rubinstein, P. Teilhard de Chardin.

Conclusion. In cases where the subject of study opposes the method of study, the science needs a change of point of view on the phenomenon under study and a fundamentally different formulation of the research question. At the same time, previously accumulated knowledge is not devalued, but acquires a different meaning.

The author sees favorable opportunities for the development of psychology in its rapprochement with philosophy, with comprehending the experience of religious practices and the figurative-metaphorical way of describing phenomena.

Keywords: humanitarian psychology, determinism, causal logic, teleology, the meaning of life, creation, insight.

For citation: Melik-Pashaev, A.A. (2022). About the possible future of humanitarian psychology. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya (Theoretical and experimental psychology)*, 3 (16), 133–142. doi: 10.24412/2073-0861-2022-3-133-142

* * *

Начну с двух сюжетов, зеркально друг друга отражающих.

Первый. В течение 27 из 110 лет существования Психологического института у нас происходит событие, какого, я предполагаю, не бывает ни в одном научном

учреждении мира: симпозиум по проблеме **смысла жизни**. И я заметил, поначалу с удивлением, что некоторые серьезные ученые склонны относиться к этой традиции скептически. Не к конкретным докладам (что было бы естественно) и не к самой проблеме (разумный образованный человек не может не понимать, насколько она важна), а к тому, что обсуждается она на «территории науки».

Что же вызывает неприятие? То, что термины неоднозначны, причинно-следственные связи не могут быть неопровержимо доказаны, понимание во многом зависит от не вполне вербализуемого и неповторимого внутреннего опыта каждого слушателя. Все это, с точки зрения скептиков, и ставит обсуждаемую проблему «вне науки». Это — область философии, религии, литературы, других искусств; это житейская мудрость, здравый смысл, но — не наука.

Когда же кто-то из участников старается придать этому по природе «мягкому» материалу наукообразную жесткость или статистическую достоверность, это лишь прибавляет скепсиса. В данном случае, пожалуй, обоснованного.

Второй сюжет. В течение многих лет в разных аудиториях я задавал слушателям один и тот же вопрос: «Когда у вас возникнет внутренняя необходимость разобраться в том, что значат для вас жизнь, смерть, бессмертие, любовь, надежда, добро и зло, понять свое назначение в этом мире, если оно существует, — к каким источникам вы обратитесь за помощью?»

Люди отвечали в точности как ревнители научной строгости: к философии, религии, большой литературе и другим искусствам, к опытным и мудрым людям. Один, подобно древнему философу, ответил: спрошу самого себя.

Ни один слушатель (а это были, главным образом, студенты-психологи и молодые педагоги) не сказал, что откроет книги по психологии. Думаю, есть и такие, но мне они не встретились.

Можно, конечно, сказать, что так и должно быть по указанной выше причине: «не ученое это дело». Но оценим непредвзято ситуацию, когда психолог (по-русски «душевед») выносит за ограду своей науки то, что всего важнее для человеческой души. Насколько такая позиция перспективна «в большом времени» для психологии как составляющей человеческой культуры? И каковы возможные пути выхода из столь неестественного, на мой взгляд, положения?

Задумываясь об этом, замечаешь, что существуют и такие проблемы, от которых психология не отрекается и даже заинтересованно их разрабатывает, но которые тем не менее противятся ее усилиям или подвергаются редукции, не позволяющей проникнуть в их глубину. Можно сказать, не открываются привычным исследовательским ключом. Такова, например, проблематика человеческого творчества как частный случай феномена возникновения прежде не бывшего. Позволительно спросить, охраняет или обедняет себя психология, когда «держит на замке» границы с сопредельными территориями философии, искусства и т.д. по списку?

Поскольку юбилей — не только повод для осмысления прежних заслуг, но и повод попытаться заглянуть в будущее, я позволю себе без опаски высказать несколько предположений о границах традиционного понимания научности и о тех проблемах, для приближения к которым мы вынуждены эти границы трансцендировать.

Это можно назвать юбилейными мечтами или даже фантазиями гуманитария, но, с моей точки зрения, они не противоречат духу и традициям Психологического

института. Ведь уже при его создании в качестве одного из ориентиров будущей деятельности было намечено такое изучение душевных явлений, которое в своем стремлении к точности не нарушало бы границ «разумной свободы» человеческой души, «способной к нравственному действию» (Психологический институт в Москве, 2013, с. 12).

Мои разрозненные и предварительные заметки ни в малейшей степени не претендуют на статус некой «программы», на решение поставленных вопросов и, главное, на знание того, «как надо»! Все это как раз и есть дело возможного будущего. А сейчас достаточно будет просто привлечь к этим вопросам внимание, пусть даже недоверчивое или критическое.

* * *

Прежде всего, спросим себя: признаем ли мы в принципе, что существуют гуманитарные науки и в частности гуманитарная психология как наука? Предполагаю, что многие скажут «нет»; для них дальнейшие заметки не будут представлять никакого интереса. А те, кто скажет «да», должны будут признать и другое: привычные для большинства из нас критерии научности, такие как объективная детерминация явлений, причинно-следственная логика исследования, повторяемость и измеримость результатов, при всех их исторических заслугах не являются универсальными. Проблема, хорошо известная по крайней мере со времен В. Дильтея, но сохраняющая болезненную остроту по сей день.

В свое время в стенах нашего института философ и психолог-теоретик А.С. Арсеньев, полемически заостряя мысль, утверждал, что наука в «строгом» ее понимании — это форма теоретического знания *о вещах* и потому может изучать человека только в том аспекте, в котором его можно представить как «вещь». То есть в том, в чем он *не человек*. Родственная мысль, более мягко и в ином контексте выраженная, содержится в поздних трудах С.Л. Рубинштейна, писавшего о такой картине мира, в которой *человеку нет места*. А задолго до этого упомянутый выше В. Дильтей утверждал, что традиционные методы объяснительной психологии работают лишь «на дальних отрогах» человеческой психики. Близкие к этому утверждения в изобилии можно найти у великого физиолога А.А. Ухтомского и многих других крупнейших ученых-мыслителей.

Следуя перечисленным выше нормативным требованиям науки, психология приобрела необозримые знания о различных аспектах психики и поведения людей. В то же время исследователи не могли не столкнуться с тем, что возможности данного подхода, как и всякого другого, не беспредельны, что существуют проблемы и явления, которые этим ключом не открываются. Как поступать в таком случае?

Можно предложить по меньшей мере три возможных решения: либо оставить неуступчивый предмет вне рассмотрения и экстрадировать его в сопредельные области; либо упрямо совершенствовать прежние методы в надежде, что трудности имеют временный характер, и недоступное сегодня станет доступным завтра; либо коренным образом сменить свой подход к проблеме и методы ее постижения.

О первом пути мы уже говорили («это не наука, а философия, религия, литература» и т.д.). Во втором случае мы как бы упираемся в стену и энергия мысли растекается вширь, по горизонтали. Мы можем бесконечно расширять, уточнять, детализировать знания о доступных аспектах изучаемого явления, полученные в рамках детерминистского подхода. И они, несомненно, имеют ценность, которая

может быть по-новому и неожиданно осмыслена в будущем. Но их накопление и уточнение в рамках прежнего подхода сами по себе не позволят подняться на принципиально иной уровень понимания явления в целом, как бы переключиться «на другую волну», проникнуть в глубину, пока непроницаемую.

В таком случае надо бы встать на третий путь: признать, что возможности привычного подхода исчерпаны, отстраненно и критически пересмотреть его основания и, вероятно, иначе поставить сам исследовательский вопрос. А это у многих рождает внутреннее сопротивление, на что в частности обратил внимание Т. Кун, автор известной книги «Структура научных революций» (Кун, 2009). Мне кажется, в большой степени сопротивление бывает вызвано опасением обесценить достигнутые обширные знания и основанные на них обобщения, свой личный и общий научный труд. Но, с моей точки зрения, это необоснованное опасение.

Рискну привести пример из области, для меня далекой. Можно вновь и вновь, на новом теоретическом, терминологическом, технологическом уровне решать старинный вопрос о том, как материальный, или «тонко материальный» мозговой субстрат порождает человеческое сознание.

А можно занять принципиально иную позицию: материальный субстрат не порождает сознание, а служит средством, как бы тончайшим телом проявления и воплощения человеческого сознания в материальном мире.

Обесценивает ли это громадные знания современной нейронауки о человеческом мозге, который, как говорит Т.Н. Черниговская, по сложности не сопоставим ни с чем, разве что со Вселенной? По-моему, нисколько, а лишь позволяет увидеть их в ином ракурсе, как бы в новой роли, и приоткрывает неизведанное направление для научной мысли. А, главное, позволяет по-новому увидеть самого человека как ответственного хозяина своей нейро-Вселенной. Осознать, какими резервами «впрок» наделила нас предусмотрительная эволюция. И оценить ключевую мысль концепции Тейяра де Шардена: цель эволюции — это *возрастание Разума, замаскированное усложнением морфологии* (Тейяр де Шарден, 1987).

Трудно предугадать, какого масштаба проблемы и открытия могут поджидать нас за таким поворотом мысли. Но на повороте придется разжать тиски детерминизма: человека невозможно изучать (точнее — понимать) теми же способами, которыми изучают принадлежащий ему материальный, или тонко-материальный субстрат.

* * *

Вернусь к принципу детерминизма и к его предполагаемой универсальности. Строго говоря, состоятельность детерминистического объяснения явления должна доказываться способностью его воспроизвести. Это делает особенно очевидной неадекватность данного подхода при изучении феномена творчества. Ограничусь сейчас таким «экстремальным» аспектом этого феномена, как инсайт, или озарение.

Множественно повторено вслед за Г. Уоллесом, что для озарения в первую очередь требуется напряженная сознательная работа над проблемой; за этим следует пауза, «инкубация», дающая простор бессознательной работе мозга (заметим: *мозга*, а не человека, им обладающего!) и т.д. Возникает иллюзия, что таким образом мы приближаемся к причинному объяснению прихода озарения. И мы склонны не замечать, что говорим об условиях, при которых оно *может прийти*, а не о *причинах*, по которым оно *должно прийти*, которые закономерно его вызывают. Ни сосредоточенность на проблеме, ни временное отвлечение от нее не

могут гарантировать инсайт. Хотел сказать, что названные условия недостаточны, но необходимы, однако и это было бы преувеличением, так как и они не всегда соблюдаются (Мелик-Пашаев, 2020). По слову И.В. Гете, «выдумки» приходят к нам, как свободные Божьи дети и говорят: вот мы!

Если все же искать причину внезапных творческих озарений, то ею в определенном смысле можно признать сложившуюся у творца *доминанту*. В полном соответствии с учением А.А. Ухтомского, она ведет к тому, что *любые* впечатления жизни могут обернуться к человеку той стороной, которую доминанта притягивает. И которая может поэтому непредсказуемым образом способствовать осознанию и оформлению творческого замысла человека даже и тогда, когда с рациональной точки зрения не имеет к нему никакого отношения. Так, вид стада бегемотов, переплывающих реку на закате солнца, внезапно рождает в сознании Альберта Швейцера великую формулу «Благоговение перед жизнью», которая стала ключом ко всем долго мучившим его философским проблемам обоснования этики. И это далеко не единственный пример.

Но даже будучи причиной, доминанта такого рода сама возникает как «функциональный орган» реализации творческих замыслов, которые человек порождает сам, свободно, действуя «в логике цели», по внутренней, а не внешней необходимости.

* * *

Именно свобода человека — та проблема, с которой мы оказываемся лицом к лицу как только размыкаются тиски детерминизма. Не буду даже пытаться проследить богатую историю осмысления этого феномена в философии и психологии. Напомню только, что в 1889 г., предвосхищая искания ученых и философов экзистенциального, гуманистического, персоналистского направлений XX в., говорил на заседании Психологического общества замечательный отечественный мыслитель Л.М. Лопатин (Лопатин, 1889).

В докладе о свободе воли он утверждал, что свобода — это самая суть и основа личности человека. Что мы безотчетно смотрим на себя как на источник творческих сил, которые мы можем обнаружить, если серьезно захотим этого. Что сам разговор о творчестве или о нравственной ответственности возможен только при условии свободы человеческого Я. В самом деле, пытаюсь рассматривать эти психологические реалии в каузальной логике как закономерное *следствие* чего-либо, мы фактически отрицаем само их существование.

Л.М. Лопатин настаивает, что человека нельзя трактовать как звено в цепочке объективных причин и следствий, в которой все является следствием чего-то предшествующего и причиной чего-то последующего (и когда, добавлю, все в целом парадоксальным образом оказывается беспричинным). Человек сам является порождающей причиной своих актов. Автор называет это запоминающимся словом «самопочинность», т.е. способность человека полагать начало, создавать что-то, зависящее от него — и в силу этого быть ответственным за результаты своей свободной активности.

Он настаивает: между детерминированностью и свободой нет полутонов, нет двусмысленных переходных состояний. Разумеется, в жизни одновременно присутствует и то, и другое, но *определяет* либо одно, либо другое.

Понятно, что свобода не абсолютна: мы живем в условиях неустранимых ограничений и биологического, и социокультурного порядка. Но каждый из нас в той мере человек, а не сложно устроенная вещь, в какой, в условиях каких бы то ни было ограничений, реализует свою первородную, непосредственно ощущаемую каждым свободу. И в той мере, в какой принимает на себя вину и ответственность, не перекладывая ее на непреодолимые обстоятельства и не отказываясь в силу этого от самого статуса *человека*, потому что свобода — его неотъемлемое свойство. Кем-то хорошо сказано: всякий выбор имеет причину, но она в самом выбирающем.

Это приводит на память важный эпизод из истории отечественной психологии. В свое время чрезвычайно популярна была формула С.Л. Рубинштейна: «внешние причины действуют через внутренние условия». Она не только задавала «рамку» многих экспериментальных работ, но и служила палочкой-выручалочкой для стремящихся отстоять хотя бы частичную, хотя бы условную автономию человека перед лицом вездесущих социальных детерминант.

Меньшее внимание привлек тот факт, что сам С.Л. Рубинштейн перерос такое понимание соотношения «внешнего» и «внутреннего»: в посмертно изданных трудах этого психолога-философа формула фактически меняется на противоположную. Размышляя о саморазвитии человека, он приходит к выводу, что, «строго говоря, внутренние условия выступают как причины <...> а внешние причины выступают как условия, как обстоятельства» (Рубинштейн, 1976, с. 287).

Эта поучительная инверсия дает мне повод, во избежание недоразумений и рискуя повториться, еще раз пояснить основную направленность данной статьи. Она состоит не в смехотворном намерении отрицать или принижать значимость исследований тех внешних, объективных условий, в которых человек живет и по-сильно реализует в свободном действии свою внутреннюю активность. Речь лишь о том, чтобы *не придавать условиям статус причин* и обратиться к попыткам понимания самого человека как источника этой активности, как «субстанциального деятеля», по выражению великого русского философа Н.О. Лосского.

Вернусь к докладу Л.М. Лопатина и к проблеме свободы. Он, а позже и В.В. Зеньковский (Зеньковский, 2011) противопоставляют внешней, «механической» причинности, заимствованной из естественных наук того времени, иную — творческую, духовную причинность. Не то, что принудительно ведет, а то, что влечет к цели, самим человеком полагаемой. То, что порождено внутренней, а не извне заданной необходимостью. То есть *целевую причинность*, описанную еще Аристотелем.

Естественно, что акт свободы, творческой «самопочинности» ускользает от изучения в каузальной логике. Его нельзя вывести из анализа наличных данных, нельзя подвергнуть лабораторному изучению, вызывая и повторяя с помощью объективных, управляемых факторов.

Все это трудно принять приверженцу точного знания. Дадим еще раз слово Л.М. Лопатину: «Ненависть к телеологии, отличающая сторонников точного знания, в значительной мере понятна; они только забывают, что действительность вовсе не затем сотворена, чтобы их исследования были непременно точными, и что интерес истины выше интересов системы и метода» (Лопатин, 1889, с. 49).

* * *

В конце XIX в. сообщество ученых, убежденных во всесии науки, взбудоражил видный естествоиспытатель, физиолог Э.Г. Дюбуа-Реймон. В лекции о грани-

цах познания природы он различил такие вопросы, ответа на которые мы *пока не знаем* (ignotamus), но имеем шансы узнать в будущем, и такие, ответа на которые мы *не узнаем никогда* (ignorabimus), потому что они запредельны для научного познания (Дюбуа-Реймон, 2010). Это начало движения, наличие цели в природе, возникновение жизни, ощущения, разума, это свобода воли и т.д.

Разумеется, я не могу судить о том, насколько размышления и выводы ученого актуальны с точки зрения современного естествознания, которое активно дистанцируется от «классического рационализма» прежних веков (см., например, предисловие И.В. Журавлева и О.В. Павловой к указанной работе Э.Г. Дюбуа-Реймона).

Обращу лишь внимание на одно обстоятельство: практически все «мировые загадки», которые каузальная наука, по честному признанию выдающегося естествоиспытателя, никогда не разгадает, имеют прямое отношение к вопросам, которые мы обсуждаем полтора века спустя применительно к психологии. И которые охватываются непривычным лопатинским термином «самопочинность». Это вопросы свободы, цели, творчества, это тайна *начала* («почина») в самом широком смысле слова.

Думаю, это далеко не случайно. Именно феномен *начала* — то, перед чем пасует или от чего уклоняется детерминистическое объяснение явлений. Начало нельзя объяснить воздействием чего-то предшествующего, ранее сложившегося, скрыть в «дурной бесконечности» причин и следствий. Тайна начала относится и к миру в целом, и к отдельному человеку. Последнее вплотную подводит к центральной проблеме педагогической психологии — к проблеме *развития*.

* * *

Крупнейший русский философ В.С. Соловьев писал по этому поводу следующее. «Прежде всего, развитие предполагает один определенный субъект (подлежащее), о котором говорится, что он развивается: развитие предполагает развивающегося. Это совершенно просто, но... иногда забывается. <...> не всякие изменения в организме образуют его развитие. Такие изменения, в которых определяющее значение принадлежит внешним, чуждым самому организму деятелям, могут влиять на внешний ход развития, задерживать его или совсем прекращать, разрушая его субъект, но они не могут войти в содержание самого развития: в него входят только такие изменения, которые имеют свой корень или источник в самом развивающемся существе, из него самого вытекают и только для своего окончательного проявления, для своей полной реализации нуждаются во внешнем воздействии. <...> Способ и содержание развития определяются изнутри самим развивающимся существом» (Соловьев, 1988, с. 141–142).

Психология развития с большой тонкостью и глубиной исследует этапы этого процесса, условия *становления* ребенка «субъектом развития» (Эльконин, 2022). Вместе с тем впечатление таково, что о потенциальном (и при этом вполне реальном!) существовании субъекта развития, с его будущей избирательностью и целеполаганием, до и независимо от объективных воздействий на него, вопрос не стоит. По умолчанию человек как таковой изначально как бы не существует, он начинается и формируется в силу социальных воздействий на него. (Не говорю о социальном *взаимодействии*, потому что с тем, чего «еще нет», *взаимо-действовать* невозможно.)

Можно, конечно, отстранить этот вопрос как ничего не меняющий в реальной исследовательской или педагогической работе, сославшись на честный афоризм:

«Наука не занимается началами и концами». Но ведь это скорее эффектная констатация наличного положения дел, чем норма «на все времена».

Уверен, что отношение к развитию ребенка как к процессу проявления потенциально существующей личности, а не как к ее возникновению «от нуля», оказалось бы очень значимым и с научной, и с практической точки зрения, хотя трудно предугадать заранее, в чем и как именно скажется такая перемена позиции.

А укрепить нас в этой уверенности может цитата из письма еще одного великого отечественного ученого и мыслителя П.А. Флоренского.

«Я взял его (маленького сына. — А.М.) рано утром побаюкать полусонного. Он открыл глаза и смотрел некоторое время прямо мне в глаза сознательно, как ни он, никто другой в моей памяти: правильнее сказать, это был взгляд сверхсознательный, ибо Васиними глазами смотрело на меня не его маленькое, несформированное сознание, а какое-то высшее сознание, большее меня и его самого, и всех нас, из неведомых глубин бытия. А потом все прошло, и передо мной снова были глаза двухмесячного ребенка» (Флоренский, 2004, с. 103).

* * *

Много раз говорилось о том, как в XIX в. психология «вышла из тени философии» и сделалась одной из наук, а также о том, что она при этом приобрела и что потеряла. Может быть, для психологии — во всяком случае, в ее гуманитарном аспекте — настало время вернуться со всем накопленным богатством — не «в тень», а «под сень» философии? Признать законность образно-метафорических форм познания и описания тех психологических реалий, которые иначе ни познать, ни описать нельзя. Начать говорить, обращаясь не только к интеллекту человека, но и к его цельному внутреннему опыту, который хотя и уникален, но в то же время родственен опыту других людей и потому может стать понятным для них. Принять положение В.С. Аверинцева и М.М. Бахтина об *инонаучности* гуманитарных наук, ведущим критерием которых становится не «точность знания», а «глубина постижения». Осмыслить тысячелетний опыт религиозных практик самопознания и самовоспитания.

Прислушаться, наконец, к тому, что говорил человек, имевший самое прямое отношение к самой большой науке, — Владимир Иванович Вернадский:

«Развитие научной мысли никогда долго не идет дедукцией или индукцией — оно должно иметь свои корни в другой — более полной поэзии и фантазии области: это или область жизни, или область искусства, или область, не связанная с точной дедукцией или индукцией — область философии» (Яшина, 2003, с. 160).

Литература

Дюбуа-Реймон, Э.Г. О границах познания природы: семь мировых загадок. М.: УРСС, 2010.

Зеньковский В.В. Проблема психической причинности: в 4 т. Т. 3. М.: Русский путь; Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2011.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Озон, 2009.

Лопатин Л.М. Вопрос о свободе воли. М.: Типография А. Гатцюка, 1889.

Мелик-Пашаев А.А. Доминанта и творчество // Вопросы психологии. 2020. № 3. С. 80–91.

Психологический институт в Москве: Российский центр психологической науки, культуры и образования. Документальная летопись к 100-летию со дня основания. М.; СПб.: Нестор-история, 2013.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.

Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987.

Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М.: АСТ, 2004.

Эльконин Б.Д. Психология развития с позиции культурно-исторической концепции. М.: Author's Club, 2022.

Яшина Ф.Т. Вернадский о философии и ее значении в развитии науки: в 3 т. Т. 1. Космическое мировоззрение — новое мышление XXI века. М.: Издательство Международного центра Рерихов, 2004.

References

Dyubua-Rejmon, E.G. (2010). On the limits of knowledge of nature: seven world mysteries. M.: URSS. (In Russ.).

El'konin, B.D. (2022). Psychology of development from the standpoint of a cultural-historical concept. M.: Author's Club. (In Russ.).

Florenskij, P.A. (2004). To my children. Memories of past days. M.: AST. (In Russ.).

Kun, T. (2009). The structure of scientific revolutions. M.: Ozon. (In Russ.).

Lopatin, L.M. (1889). The question of free will. M.: Tipografiya A. Gatcyuka. (In Russ.).

Melik-Pashaev, A.A. (2020). Dominance and creativity. *Voprosy psichologii (Questions of psychology)*, 3, 80–91. (In Russ.).

Psychological Institute in Moscow: Russian Center for Psychological Science, Culture and Education. Documentary chronicle for the 100th anniversary of the founding. M.; SPb.: Nestor-istoriya, 2013. (In Russ.).

Rubinshtejn, S.L. (1976). Problems of general psychology M.: Pedagogika. (In Russ.).

Solov'ev, V.S. (1988). Collected works (2nd ed.). M.: Mysl'. (In Russ.).

Tejyar de Sharden, P. (1987). The human phenomenon. M.: Nauka. (In Russ.).

Yashina, F.T. (2004). Vernadsky about philosophy and its significance in the development of science: Cosmic outlook — new thinking of the XXI century (1st ed.). M.: Izdatel'stvo Mezhdunardnogo centra Rerihov. (In Russ.).

Zen'kovskij, V.V. (2011). The problem of mental causation. M.: Russkij put'; Dom russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenicyna. (In Russ.).

Статья получена 03.06.2022;

принята 21.06.2022;

отредактирована 28.07.2022

Received 03.06.2022;

accepted 21.06.2022;

revised 28.07.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мелик-Пашаев Александр Александрович — доктор психологических наук, главный научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, zinaidann@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8954-3922>

ABOUT AUTHOR

Alexander A. Melik-Pashaev — Doctor of Psychology, Chief Researcher, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, zinaidann@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8954-3922>